

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 2 (60)

Октябрь
2012

Научно-теоретический,
научно-практический,
научно-методический журнал

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 31 января 2008 г. (№ 28) журнал НОВАЯ ЭКОНОМИКА включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам.

содержание

ЭКОНОМИКА

<i>Байнев В. Ф.</i>	«Постиндустриальная догма» и неоиндустриализация	5
<i>Полоник С. С., Хоробрых Э. В., Литвинчук А. А.</i>	Влияние внутренних и внешних угроз на экономическую безопасность Республики Беларусь в современных условиях	10
<i>Каминский Д. В., Пелих С. А.</i>	Институциональные инвесторы в трансформационных экономиках	20
<i>Мороз П. А., Плешакова Н. А.</i>	Взаимодействие механизмов денежно-кредитной политики в обеспечении финансовой стабильности экономики	28
<i>Боринец С. Я., Могилко Л. В.</i>	Теоретические основы оптимизации портфеля долговых обязательств государства	36
<i>Кондрашонок А. А.</i>	Анализ источников финансирования инвестиционной деятельности в Республике Беларусь	45
<i>Даник Д. Е.</i>	Развитие внебюджетных форм кредитования как компромиссное решение финансирования жилого строительства	53
<i>Куценко М. В.</i>	Преодоление состояния банкротства с точки зрения синергетики	58
<i>Тарануха И. Ю.</i>	Особенности управления проблемными кредитами в зарубежных странах	62
<i>Антонович Н. С.</i>	Организация перестраховочной защиты страхового портфеля и оценка ее эффективности	70

«Постиндустриальная догма» и неоиндустриализация

Байнев Валерий Федорович,

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)

В статье обосновывается необходимость и раскрывается сущность новой индустриальной политики (неоиндустриализации) как ключевого фактора глобальной конкурентоспособности в XXI веке.

The content of the article proves the necessity of new industrial policy (neo-industrialization) and reveals its essence as the key factor of global competitiveness in the 21st century.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы по складывающейся геополитической ситуации понять — межгосударственная конкуренция за доступ к ограниченным и к тому же быстро исчезающим ресурсам обречена на резкое обострение. Как известно, выиграть в конкурентной борьбе можно, не только работая лучше других, но и умело, что называется, «затуманивая головы» своим соперникам. Во втором случае важно добиться, чтобы конкуренты использовали в качестве «мейнстрима»¹ устаревшую или откровенно ложную систему знаний, как правило, представляющую собой некую совокупность принимаемых на веру догм и постулатов.

Так, о разрушительном воздействии неоклассического «мейнстрима» — либерально-рыночной экономической научно-образовательной парадигмы, восторжествовавшей на постсоветском пространстве после крушения СССР, мы уже писали в предыдущем номере журнала [1]. Ускоренное превращение великой сверхдержавы, на равных соперничавшей с самими США по ряду направлений науки и техники, в «технологическое захолустье» с населением, прикованным к позорной для технотронной эпохи «сырьевой тачке», однозначно свидетельствует об ошибочности принятой в странах бывшего СССР доктрины развития. И даже несмотря на предпринятые в преддверии юбилея наукообразные попытки идеологов наших рыночных реформ доказать, что за долгие 20 лет рыночного «оздоровления» эконо-

мики люди все-таки стали жить несколько лучше [2], серьезные научные исследования убедительно доказывают обратное. В частности, в работах профессора МГУ Сергея Губанова математически строго показано — даже в докризисном 2009 г. средний (то есть с учетом сверхдоходов олигархов) уровень реальных доходов граждан в рыночной России едва достиг 86 % от соответствующего показателя «застойного» СССР образца 1990 г. [3, с. 126–137].

Таким образом, непреложным является следующий факт — несостоятельность восторжествовавшей на постсоветском пространстве «рыночной догмы» сегодня доказана не только теоретически, но и практикой. За два десятилетия рыночных реформ ни одна из стран бывшего СССР не может похвастаться не то чтобы обещанным прорывом в инновационную, технотронную экономику XXI века, но хотя бы восстановлением дореформенных уровней производства и благосостояния (за редким исключением, куда входит Республика Беларусь). Несостоятельность «рыночной догмы» становится еще более очевидной, если принять во внимание астрономические долги, рост протестных настроений населения, кризисное и даже преддефолтное состояние ряда западных стран с так называемой развитой рыночной экономикой, включая снижение кредитного рейтинга флагманов мировой системы капитализма.

Еще одной подобной теоретической конструкцией, призванной «затуманивать головы» в периферийных странах, является концепция «постиндустриализма» («постиндустриального общества»), ставшая в последнее время в научной среде своего рода правилом хорошего тона. Смысл

¹ Мейнстрим — ходовой среди экономистов термин, который в вольном переводе может быть истолкован как «единственно верное учение»

этой концепции сводится к тому, что в нынешних условиях якобы быстро падает значимость материального производства на фоне ускоренного роста роли сектора услуг. Тем самым не просто объясняется и консервируется индустриальная отсталость периферийных экономик, но легитимируется и даже обосновывается необходимость снижения промышленного потенциала некогда индустриально развитых стран, как это ныне происходит в ряде стран бывшего СССР.

Чтобы понять коварность активно навязываемой нам «постиндустриальной догмы», достаточно просто оглядеться вокруг. Большинство объектов внешней среды современного человека — будь то продукты питания, одежда, мебель, жилище, бытовая техника, транспорт или инфраструктура — являются продукцией промышленных предприятий. Значит, без промышленности нет и быть не может нормальной жизни! Не секрет, что место страны в иерархии технологически развитых держав всецело определяется тем, какие она выпускает автомобили, поезда, самолеты, суда, радиоэлектронную аппаратуру, стройматериалы и т. п., а также умением создавать оборудование, с помощью которого все это производится. Экономическое и военно-политическое господство в наши дни всецело определяется техникой и технологиями, которыми располагает та или иная страна. Более того, предоставление подавляющего большинства услуг — от простейших бытовых до высокотехнологичных информационных и финансовых — просто невысказано без использования современных образцов техники и материалов, продуцируемых промышленным комплексом. Очевидно, если у страны слабо развита собственная индустрия и потому она не имеет возможности самостоятельно производить перечисленную выше продукцию, то такая страна обречена закупать ее вовне, «зарабатывая» необходимую для этого валюту «разбазариванием» содержимого своих недр. Разумеется, ни о каком инновационном развитии, экономическом и политическом суверенитете в данном случае не может быть и речи.

Разумеется, в странах-лидерах мировой экономики обо всем этом прекрасно осведомлены. Однако, следуя принципу «для победы над конкурентами все средства хороши», западные политики, советники, ученые активно используют и насаждают риторику о постиндустриальном обществе (экономике услуг, сервисной экономике, экономике знаний и т. п.). Их цель все та же — стремление «затуманить головы» своим конкурентам. На деле же ускоренный прогресс лидеров

мировой экономики осуществляется благодаря промышленности, которая является производителем прогрессивных орудий труда и современных материалов для всех прочих отраслей и сфер жизнедеятельности современного общества. Следовательно, несмотря на расхожую «постиндустриальную догму», именно промышленный комплекс, индустрия является подлинным «катализатором» инноваций и «локомотивом» экономического развития в целом.

Исходя из этого, постсоветским странам и, прежде всего, государствам Таможенного союза — Беларуси, России и Казахстану, — внешне принимая игру в риторику о приверженности ценностям либерального рынка и постиндустриализма, на деле необходимо сосредоточить основные усилия на разработке и реализации новой индустриальной политики. Сегодня некоторые ученые и политические деятели для обозначения такой политики используют специальный термин — «неоиндустриализация» [3]. Тем самым подчеркивается, что индустриализация — это длительный, непрерывный, многоэтапный процесс, нацеленный на оснащение производства и быта техникой и технологиями, относящимися к высшим технологическим укладам. При этом подразумевается, что первая фаза индустриализации, связанная с электрификацией и механизацией народного хозяйства, успешно пройдена наиболее развитыми странами, включая и бывший СССР, во второй половине прошлого века. В наши же дни индустриализация вступила в следующую, вторую по счету фазу, связанную с автоматизацией и компьютеризацией рабочих мест, подразумевающей передачу разумным машинам не просто производственных, а контрольных, управляющих и отчасти даже творческих функций.

Иными словами, лидеры мировой экономики и успешно догоняющие их страны сегодня приступили к неоиндустриализации, характеризующейся масштабной заменой факторов производства и быта, относящихся к IV и V технологическим укладам на технику и технологии, свойственные VI и даже VII технологическому укладу. И в этом смысле куда правильнее было бы вести речь не о постиндустриальной, а о сверхиндустриальной экономике. Нас же на основе «постиндустриальной догмы» коварно приучают к мысли, что развернутая на просторах бывшего СССР деиндустриализация не только не опасна, но и полезна, ибо она якобы находится в русле общемировой тенденции перехода к постиндустриальному обществу.

В настоящее время многие мыслящие национальными категориями специалисты осознают необходимость неоиндустриализации как непрерывного условия сохранения глобальной конкурентоспособности в XXI веке. К сожалению, политическая власть в большинстве постсоветских государств вот уже 20 лет узурпирована политиками-компрадорами, исповедующими прозападный глобализм, согласно которому страны бывшего СССР должны стать всего лишь сырьевой периферией «цивилизованного» Запада. Поэтому мы и видим столь явное, упорное и на первый взгляд «загадочное» нежелание наших руководителей принимать меры к развитию или хотя бы к сохранению отечественного промышленного комплекса, особенно его высокотехнологичных и наукоемких секторов. Отсюда и те сырьевые перекосы однобокого экономического роста, который нынче сплошь и рядом демонстрируют страны бывшего СССР. Только продажной позицией постсоветской политической и экономической элиты, чьи сбережения и чада давно находятся на Западе, можно объяснить нынешнее неуклонное снижение научно-технического, промышленного, образовательного, культурного, нравственного уровня наших некогда индустриально развитых стран. В колониально-марионеточном характере установившихся в большинстве постсоветских стран режимов вообще не остается никаких сомнений, если учесть, что указанные процессы деградации сохранялись и в так называемые «тучные годы», когда сверхдоходы от резко вздорожавшего сырья и энергоресурсов вместо инвестирования в отечественное хозяйство масштабно вкладывались в экономику и без того развитых стран.

Итак, неоиндустриализация своей главной целью имеет переоснащение производственной и бытовой сфер техникой и технологиями VI технологического уклада. Ее реализация подразумевает выполнение ряда ключевых условий, без чего невозможно вести речь ни об инновациях, ни о современном экономическом развитии, ни о социальном прогрессе.

Во-первых, главным целевым критерием всей экономической деятельности должен быть объявлен *рост производительности труда*, достигаемый на основе масштабного внедрения высокопроизводительных, автоматизированных, компьютеризированных машин и оборудования во все сферы жизнедеятельности человека. Если единицей измерения прогресса по пути индустриализации на ее первом этапе выступал киловатт-час, направляемый в народное хозяйство для электрификации и механизации производственных

процессов, то сегодня такой единицей измерения выступает микропроцессор. Именно миллионы, сотни миллионов микропроцессоров и микроконтроллеров позволяют осуществлять автоматизацию, интеллектуализацию рабочих и бытовых машин и тем самым максимально высвободить человека от рутинных производственных процессов. Поэтому массовое производство и масштабное внедрение отечественной микропроцессорной, микроконтроллерной техники без преувеличения должны оказаться в самом центре внимания инновационной и всей экономической политики государства и бизнеса.

Таким образом, неуклонный рост производительности труда, а значит, максимизация экономики рабочего времени (а не прибыли) — непрерывное условие перехода к инновационной, гуманной, нравственной экономике. И действительно, только в свободное от рутинной работы время человек может вырасти как ученый, художник, спортсмен, семьянин.

Кстати говоря, обозначенная задача роста производительности труда наиболее остро стоит именно перед странами бывшего СССР, которые кратно отстают по данному показателю от технологически развитых держав (рис. 1). Устранение указанного разрыва — наш единственный пропуск в когорту технологически развитых стран. К сожалению, показатель производительности труда, анализ которой содержится едва ли не в каждом межгосударственном сопоставлении экономик ОЭСР, как правило, даже не входит в число статистически учитываемых в странах бывшего СССР.

Во-вторых, жизненно важно как можно скорее отказаться от лукаво навязанной нам нашими же стратегическими конкурентами устаревшей конкурентно-рыночной парадигмы в пользу современной *интеграционной доктрины развития*.

В 1996 г. российским экономистом Сергеем Губановым был открыт новый экономический закон — закон вертикальной интеграции [3]. Он утверждает, что любая цепочка последовательных производств, реализующих преобразование сырья в конечный продукт, функционирует с максимальной экономической эффективностью при условии, что прибыль снимается со всей цепочки в целом, а не с каждого из ее отдельных звеньев. Если игнорировать данный закон, как это, например, случилось при насильственном расчленении единого народнохозяйственного комплекса СССР и далее — в процессе допущенной на его территории приватизации-дезинтеграции, — эффективность экономических систем резко падает.

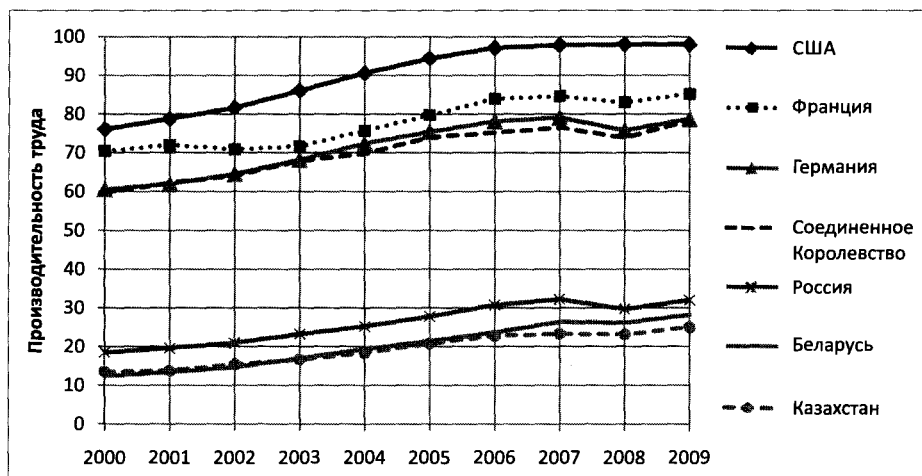

Рис. 1 — Сравнительная динамика производительности труда в некоторых странах мира в период с 2000 по 2009 годы

Примечание: производительность труда (указана вдоль оси ординат в тыс. долл./чел.) рассчитана как отношение ВВП по паритету покупательной способности (ППС) к численности занятых в экономике по статданным Европейской экономической комиссии ООН, взятым с сайта <http://w3.unece.org>.

Указанное снижение происходит главным образом из-за того, что сырьевые компании, объективно расположенные в самом начале некогда единых цепочек создания добавленной стоимости, имеют возможность «взять за горло» постоянно растущими ценами на сырье и энергию все следующие за ними обрабатывающие и выпускающие производства. В результате в национальной экономике угнетаются ее несырьевые, прежде всего наукоемкие и высокотехнологичные секторы, а стремление сырьевых компаний «выкачать» из них прибыль постоянно растущими ценами и тарифами на свою продукцию порождает самовоспроизводящуюся инфляцию. Не случайно деиндустриализация, сырьевые перекосы экономического роста и «загадочно необоримая» инфляция сделали своего рода визитными карточками стран бывшего СССР. В связи с этим думается, что странам бывшего СССР ради «выздоровления» их смертельно больных, безжалостно расчлененных секирой приватизации экономик придется проанализировать, объективно оценить и во многом пересмотреть итоги приватизации-денационализации, которую в народе презрительно окрестили «прихватазацией» и даже на немало поживившемся за счет наших реформ Западе ассоциируют с «пиратизацией»...

В рамках решения поставленных задач сейчас, как никогда ранее, для Беларуси, России, Казахстана и других стран бывшего СССР актуально резкое повышение роли государства и как планирующего, регулирующего экономику института, и как глобального предпринимателя. Стратеги-

ческим направлением таких усилий должно стать создание всех необходимых для осуществления неоиндустриализации условий, включая безусловное подчинение ее целям государственной структурной политики. Последняя должна быть нацелена на создание и всесторонний правительственный патронаж крупных и сверхкрупных корпораций, реализующих в себе вертикальную интеграцию производственных процессов. По примеру технологически развитых стран эти корпорации должны быть транснациональными, позволяющими наиболее полно реализовывать преимущества от межгосударственного разделения труда и местной ресурсной обеспеченности. В идеале с учетом нарастания интеграционных процессов в рамках Союзного государства, Таможенного союза и Единого экономического пространства такие корпорации должны быть белорусско-российскими, белорусско-казахстанскими, казахстанско-российскими и белорусско-казахстанскими...

Итак, если формула первого этапа индустриализации выглядела следующим образом:

$$\text{Индустриализация} = \text{Электрификация} + \text{Механизация народного хозяйства},$$

то содержание формулы второй ее фазы — неоиндустриализации — можно представить следующим образом:

$$\text{Неоиндустриализация} = \text{Автоматизация народного хозяйства} + \text{Вертикальная интеграция производств}.$$

Нацеленность на кратный рост производительности труда за счет автоматизации и компьютеризации рабочих мест, ориентация на интегральную доктрину развития, включая создание, восстановление и развитие единых, сквозных, завершенных цепочек продуцирования необходимых людям товаров и услуг — вот ключевые положения неоиндустриальной парадигмы развития. На этой и только на этой мировоззренческой платформе, реализуя скоординированную, взаимодополняющую научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую, кредитно-денежную политику, Россия, Беларусь, Казахстан и другие интегрирующиеся вокруг Союзного государства и Таможенного союза страны смогут выдержать глобальную конкуренцию, сохранить экономическую и политическую независимость в третьем тысячелетии. Иными словами, активно используемой оккупан-

том-агрессором разрушительной формуле «Разделяй и властвуй!» надо решительно противопоставить наше традиционное, коллективистское, созидательное: «Пока мы едины — мы непобедимы!».

Литература

1. Байнев, В. Ф. Экономикс как псевдонаучная научно-образовательная парадигма / В. Ф. Байнев // Новая экономика. — 2012. — № 1. — С. 5–16. (Электронная версия статьи в интернете: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/408283.pdf>).
2. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / рук. авт. колл. Е. Г. Ясин. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. — 120 с.
3. Губанов, С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. Губанов. — М.: Книжный Мир, 2012. — 224 с.

Материал поступил в редакцию 13.08.2012.